

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ГЛАВА ИЗ «САНЦИЯ РОССА»

Публикация В. Пу т и н ц е в а

Приезд Гарибальди в Англию в апреле 1864 г. явился событием большого общественного значения. Английский народ торжественно встретил крупнейшего деятеля итальянского национального освободительного движения. Рабочие создали особый комитет, чтобы организовать демонстрацию в честь Гарибальди. По всей Англии — в Лондоне, Манчестере, Бирмингеме, Глазго, Ливерпуле, Эдинбурге — состоялись народные манифестации. Многие города страны приглашали Гарибальди к себе. «...Его встречают с пушечной пальбой и колокольным звоном...», — писал Герцен сыну 6 апреля 1864 г. (XVII, 146).

Гарибальди прибыл в Лондон 10 апреля. В письме к сыну от 15 апреля Герцен рассказывал: «Прием Гарибальди превзошел всё, что можно было ожидать. От Seven elm Station до Вестминстерского моста и оттуда до St. James'a была одна сплошная масса. Народ лез на колеса, жал руки, шумел; его проезд продолжался от 2¹/₂ до 8 часов; дома были покрыты коврами, знаменами и пр.» (XVII, 151). О приезде Гарибальди в Лондон рассказывает, со слов Огарева, Т. П. Пассек: «Все, кто желал его приезда, знали, что Гарибальди будут овации, но того характера оваций, какой принял его приезд в народе, никто не ожидал» («Из дальних лет», изд. 2, т. III. СПб., 1906, стр. 33).

В опубликованной тогда же в «Колоколе» заметке «Uncrowned King» Герцен с большой проникательностью писал, что «от этой встречи „некоронованного царя“, вероятно, почачнулась не одна корона» (XVII, 150).

Английские власти, вначале весьма равнодушно относившиеся к приезду Гарибальди, встретились. Стремясь изолировать «некоронованного царя» от народа, английские правящие круги решили «чествовать» его сами. Гарибальди посетили премьер-министр Пальмерстон, Гладстон, герцог Соммерсетский; в честь гостя был устроен прием в вилле герцога Девонширского и т. д. «Аристократия думает, — писал Герцен, — что, схвативши его коня под уздцы, она его поведет, куда хочет, и, главное, отведет от народа; но народ смотрит на *красную рубашку* и рад, что дюки, маркизы и лорды пошли в конюха и официанты к революционному вождю, взяли на себя должности мажордомов, пажей и скороходов при великом плеее в плебейском платье» (XIV, 518).

Овации Гарибальди в Англии начали раздражать Наполеона III, и он решительно потребовал, чтобы правительство Пальмерстона выслало гостя за пределы страны. К Гарибальди отправился Гладстон, единственный член кабинета, говоривший по-итальянски, и стал убеждать его покинуть Англию — под тем предлогом, что... сырой климат британских островов может болезненно сказаться на его здоровье. Гарибальди были совершенно ясны подлинные причины «заботы» о нем Гладстона и Пальмерстона, и он немедленно покинул Англию.

Правительство Пальмерстона рассчитывало, что отъезд Гарибальди разрядит атмосферу. Но оно глубоко ошиблось. Английский народ с возмущением узнал о вынужденном отъезде прославленного гостя. Официальной версии о его «болезни», разумеется, никто не поверил. Правительству пришлось специально отвечать на запрос в палате общин по поводу отъезда Гарибальди.

На 23 апреля был назначен митинг в Примроз-Гилле по случаю шекспировских празднеств (в связи с 300-летием со дня рождения великого драматурга). Стало очевидным, что митинг неминуемо превратится в мощную демонстрацию протеста против позорных распоряжений Пальмерстона и Гладстона. Тогда правительство запретило митинг.

Герцен был глубоко возмущен. Вынужденный отъезд «великого плебея» из Англии он назвал «безобразной интригой» (XVII, 158). 20 апреля он писал дочери: «Гарибальди, совершенно здоровый, был объявлен больным; его триумфальная поездка была приостановлена; его попросили, как об услуге, как об акте признательности в отношении Англии, чтобы он убрался во-свояси, его умоляли...» (XVII, 157). На страницах «Колокола», в статье «Самичиа росса», вскоре вышедшей отдельной брошюрой, Герцен заявил, что «народ английский одурачен» (XIV, 512), и гневно заклеил трусливую, двуличную политику английского правительства.

Статья «Самичиа росса» писалась в апреле—мае 1864 г. под свежим впечатлением от событий. «Я написал целую брошюрку под заглавием „Камичиа росса — Сон в весеннюю ночь“, — сообщал Герцен дочерям 18 мая 1864 г. (XVII, 169). Статья предназначалась для очередного выпуска «Полярной звезды»; когда же выяснилось, что «Полярная звезда» выйти не сможет, Герцен напечатал ее в «Колоколе» (л. 188, 15 августа; л. 189, 15 сентября; л. 191, 15 ноября 1864 г.), а затем выпустил отдельной брошюрой.

Публикуемый отрывок представляет собою черновую редакцию одной из глав статьи. Глава эта при публикации «Самичиа росса» была Герценом опущена и в «Колоколе» и в отдельном издании. Отрывок ярко и сильно обличает пресловутый английский парламентаризм, призрачные демократические свободы в условиях буржуазного строя. В эпизоде с Гарибальди отразилось лицемерие буржуазного демократизма, разоблачившего свою истинную сущность перед лицом всего мира.

⟨ЗАПРЕЩЕНИЕ МИТИНГА НА ПРИМРОЗ-ГИЛЛЕ...⟩

Запрещение митинга на Примроз-Гилле — один из самых нелепых фактов, принадлежащих к ряду невероятных промахов, ошибок, неловкостей, *piaiseries** знаменитого Россель-Пальмерстоновского управления**. Вся их политика экспедиентов, выжиданий — когда надобно действовать, вмешательств — когда надобно выжидать, консерватизма в либеральной одежде, картонных тигров и леопардов, громких нот и тихих дел давно оказалась совершенно негодной. Без поддержки Дерби, Дизраэли и их приятелей такое управление не продержалось бы дня. Ужас попасть в беззубый торизм — хранит поддельные зубы седого вигизма. От Крымской войны, которая принесла пользу одной России, до вреда Польше и Дании, которым хотели помочь, от *conspiracy bill**** до соединения обеих враждующих Америк в одном чувстве — ненависти к Англии — мало было ошибок наивнее запрещения митинга на Примроз-Гилле****. Неспokoйная совесть правительства сказалась в излишнем усердии полиции. Если б нужно было искать доказательств министерского участия в отъезде Гарибальди, то один этот факт был бы достаточен за глаза. Ловко вывернулись государственные люди — нечего сказать.

Неполнота конституционного самоуправления нигде не является ***** так оскорбительно, как в министерских ответах на вопросы, на которые

* глупостей (франц.).

** *Далее зачеркнуто*: несмотря на то, что отличиться в этом роде нелегко.

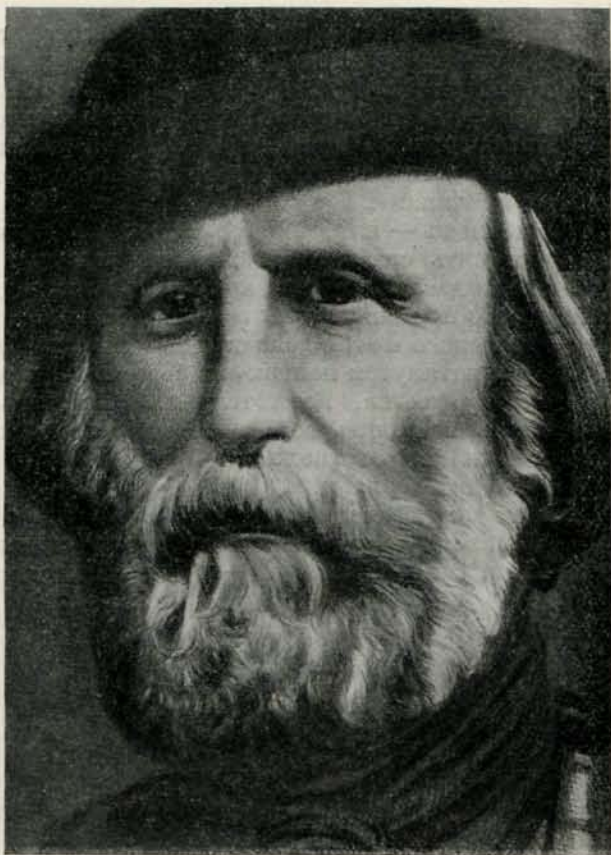
*** закон о заговорщиках (англ.).

**** «Моск(овские) вед(омости)» воображают, что Примроз-Гилль в Гайд-Парке. Он верст пять от него. Это <б>ольшой холм на огромном пустыре за зоологическим садом. — *Примеч. Герцена.*

***** *Далее зачеркнуто*: а. без всяких румян б. с такой милой наглостью

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

Раскрашенная литография

Музей
изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

министры не хотят отвечать — и не могут молчать. Они говорят вздор; все знают, что это вздор; большинство соглашается с министрами играть на фальшивые деньги, а меньшинство не имеет права требовать пробы*.

Для лордов, для десятифунтовиков дело об отъезде Гарибальди было кончено. Кларендон и Пальмерстон им объявили, что правительство в отъезде Гарибальди не участвовало. *L'honneur était sauf*** — чего же больше? Даже газеты, за исключением чисто демократических — вроде «*Reynolds Newspaper*» или чисто реакционных, как «*Standard*», точно так же порешили дело, как палаты. Но свежему народному чувству не хотелось удовлетвориться призраком — ему хотелось знать правду.

* *Далее зачеркнуто:* Добиться немудрено, в каких случаях большинство будет доходить до истины и в каких нет, — ключ на это в сословных интересах представляемого слоя. Английское представительство дальше мелкой буржуазии, платящей, по крайней мере, 10 фун<тов>, не идет. В английском народе есть несчастный, раздавленный слой, который вовсе никакого мнения не имеет и отдал бы охотно конституцию — за самую плохую похлебку из чечевицы и тюфяк в грязном углу. Но в нем есть огромный слой работников, идущих вперед, если не быстро, то твердо, — и наверно быстрее буржуазии, которая скорее видоизменяется, чем прогрессирует. С этим легально безгласным классом Англия начинает считаться, и хитрый Гладстон [это подметил очень хорошо и тотчас сделался работничьим] недаром стал его куртизаном. Этот класс, вовсе не представленный в парламенте, живет прочих почувствовал всё обидное и всё нелепое высылки Гарибальди. Он был унижен и оскорблен тем, что аристократия его оттерла от народа, и в то же время чувствовал себя силой, которую боятся. Надобно ему было доказать, что он силы не имеет, — но это всего больше в интересах буржуазии.

** Честь не была затронута (франц.).

Два слова от Гарибальди сняли бы все сомнения. Их ждали все, но они не являлись. Шефтсбюри просил их, говоря, что весь город думает, что он едет не по своей воле, — Гарибальди отказался. Еще больше — когда Чамберт принес ему подписать письмо, которым он благодарил шотландцев за приглашение и извинялся расстройством здоровья, Гарибальди вымарал эту строку и написал, что оставляет Англию «по многим причинам».

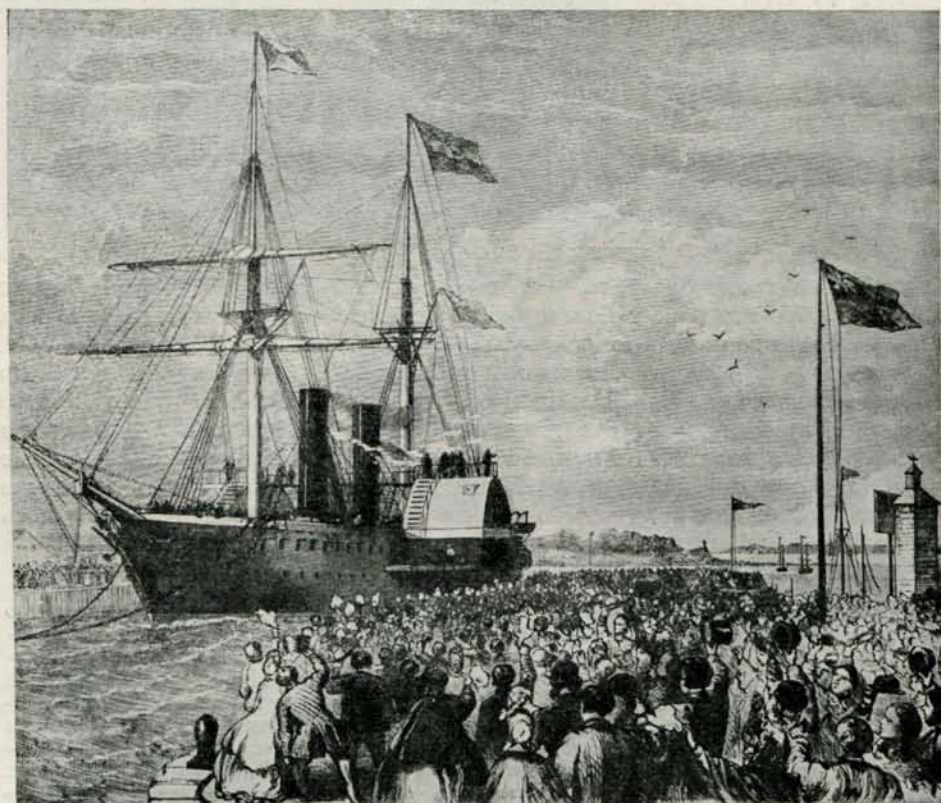
Гарибальди — плебей и со всеми плебейскими предрассудками. Он мог поступить слабо, под влиянием минуты раздражения, мог, давши слово, не выдавать интриги, но солгать всенародно, солгать перед людьми, которые его приняли с любовью и восторгом, — он не мог. Действительно, он одной ложью в этом деле страшно потерял бы у народа.

В этом натянутом положении собирался огромный митинг для шекспировского торжества. Им хотели воспользоваться, чтоб поговорить о Гарибальди и поставить вопрос об его отъезде перед народом. И этот-то митинг полиция разогнала.

Новая интерpellация.

Новая мистификация.

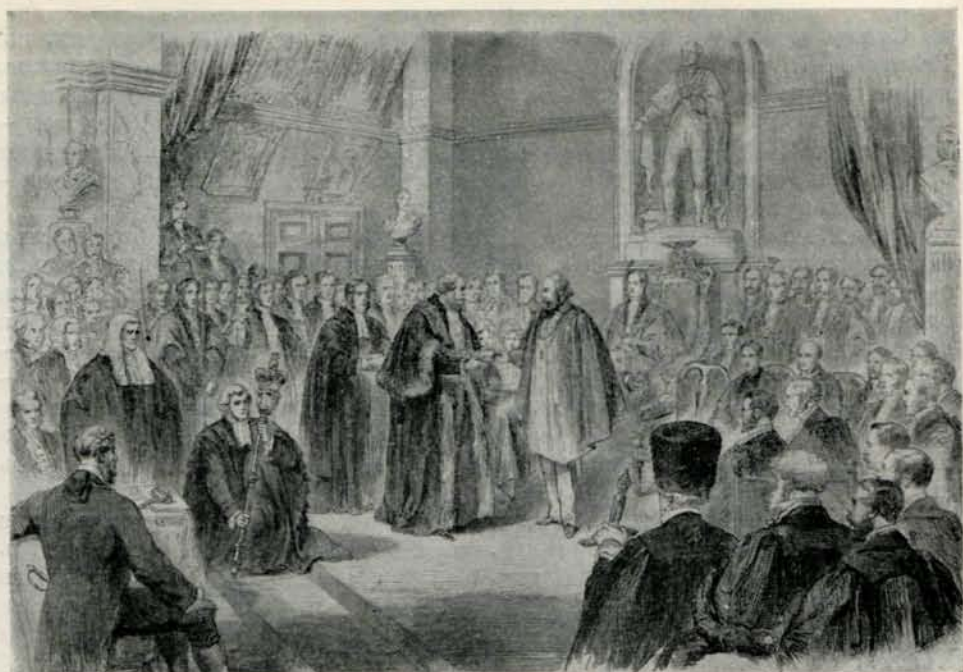
— Министр внутренних дел ничего не знал — кто разогнал? кого разогнали? где был митинг? — и будто был митинг? были какие-то слухи,

ПРИБЫТИЕ ГАРИБАЛЬДИ В АНГЛИЮ

«The Illustrated London News» от 16 апреля 1864 г.

«Соутгэмптон был весь во флагах; народ теснится, кричит, и он в красной рубашке... принимает просто, но и с полным сознанием, что это натурально, что это заслуживает его дело» (из письма Герцена к сыну от 6 апреля 1864 г.)

«ЧЕСТВОВАНИЕ» ГАРИБАЛЬДИ «ДЮКАМИ И ЛОРДАМИ»

«The Illustrated London News» от 23 апреля 1864 г.

«... интрига, затеянная до *везда* его в Лондон, расцвела удобно на дворцовом грунте. Цель ее состояла в том, чтоб удалить Гарибальди от народа, т. е. от работников» («Camicia rossa»)

но Грей ничего не знал, ничего не приказывал, и Р. Ме(й)н ничего не приказывал — это случилось само собой, — как грибы растут.

— Во-вторых, если Примроз-Гилль и не парк, то он мог бы быть парком, у него есть кругом решетка, и он находится под заведыванием того же господина, который заведывает парками. Конечно, Primrose-Hill от них отличается тем, что на нем нет ни одного дерева, кроме посаженного в честь Шекспира, но отчего же не быть плешивому парку — есть же плешивые люди...

В этом роде дурачился мин(истр) внут(ренних) дел и два-три депутата. Когда же, наконец, догадались его спросить: «По какому праву вообще полиция запрещает митинги в парке или где-нибудь под открытым небом?» — «По какому праву? — отвечал министр, — так вы хотите знать... и знать от меня... Это уж атанде — много будете знать — скоро состаритесь».

Депутация является к министру и объявляет, что в будущую субботу созван другой митинг — и решено в случае полицейского вмешательства отражать силу силой. А потому депутаты спрашивают, имеет ли он законные основания противодействовать. Министр молчит об этом, как рыба.

Митинг собрался — я был на нем. Полиции не было. Один молодой полицейский под горой гуторил с ирландкой, продававшей апельсины, и даже ел один из них, показывая, что он митинга не видит и не занимается им.

Итак, право митинга подтверждено? — нисколько. Вопрос остался в том же положении, т. е. что правительство может позволять и не позволять митинги под открытым небом.

Отнять право у жителей Лондона собираться на таких пустырях, как Primrose-Hill, и даже в парках — одно из самых преступных поползновений против народных сходок вообще. Площади и парки — народные залы. Где же народу собираться — и притом в числе 20, 30 000 человек — в Exeter Hall или в зале какого-нибудь театра?.. Но их даром не отдадут, а, напротив, берут очень дорого. И что за резон — неудобство гуляющих — пусть они гуляют в другой аллее или совсем не гуляют.

Гулять можно всякий день, а народ слишком занят, чтоб собирать серьезные митинги больше чем два, три раза в год. Десятифунтовики видели очень хорошо опасность и какую французскую ногу подставляет полиция одному из краеугольных основ английской свободы, — однакож *они удовлетвоуствовались*. В сущности, если б им заналообилось сделать сходку — они найдут место, ну, а работникам немного затруднить право собираться — может, недурно... и пивное богослужение по воскресеньям долею так строго соблюдается для того, чтоб работники без нужды не часто сходились — о чем им толковать, работать надобно... Благо, министры отыгрались, чего же лучше?.. *

Но если старая, рутинная Англия явилась во всем характере своем крючкотворчества в деле митинга, то и *новейшая* Англия отличилась.

Вопрос об отъезде Гарибальди был поставлен Шеном ясно, просто и без всяких преувеличений. Он наглазно раскрыл интригу и рассказал, не щадя собственных имен, как было дело, что он слышал от Иосифа Коцена, от друзей Гарибальди.

Перчатка была брошена.

Ее поднял Гладстон.

Гладстон — одно из самых интересных лиц современной Англии и английского правительства. Если течение Англии не изменится, об ней можно сказать, что она впадает в Гладстона. Финансист, эллинист, пиетист — один из тех работников, о которых в России понятия не имеют, свободный от старых предрассудков правительств, он тем легче может их поддержать, если нужно. Дающий министерству одну руку, он дает один палец социальным идеям и, главное, — работникам. Столп церкви, канцлер университета, комментатор «Одиссеи», гениальный министр финансов, он подымается, и это его единая цель. С Гомером подмышкой, как Нерон, chief of the Echequies ** скоро обойдет двух кроме сего спянных *** врагов, стоящих во главе английского управления.

Россель и Пальмерстон мне представляются в одном лице какой-то двуглавой Агриппины. И я приветствую в Гладстоне — сына, идущего воздать по заслугам родительнице своей и потом воспеть ее добродетели, явный результат англиканского религиозного воспитания. Что он умнее Росселя и дельнее Пальмерстона — об этом нельзя сомневаться, прочитавши любую его речь о бюджете.

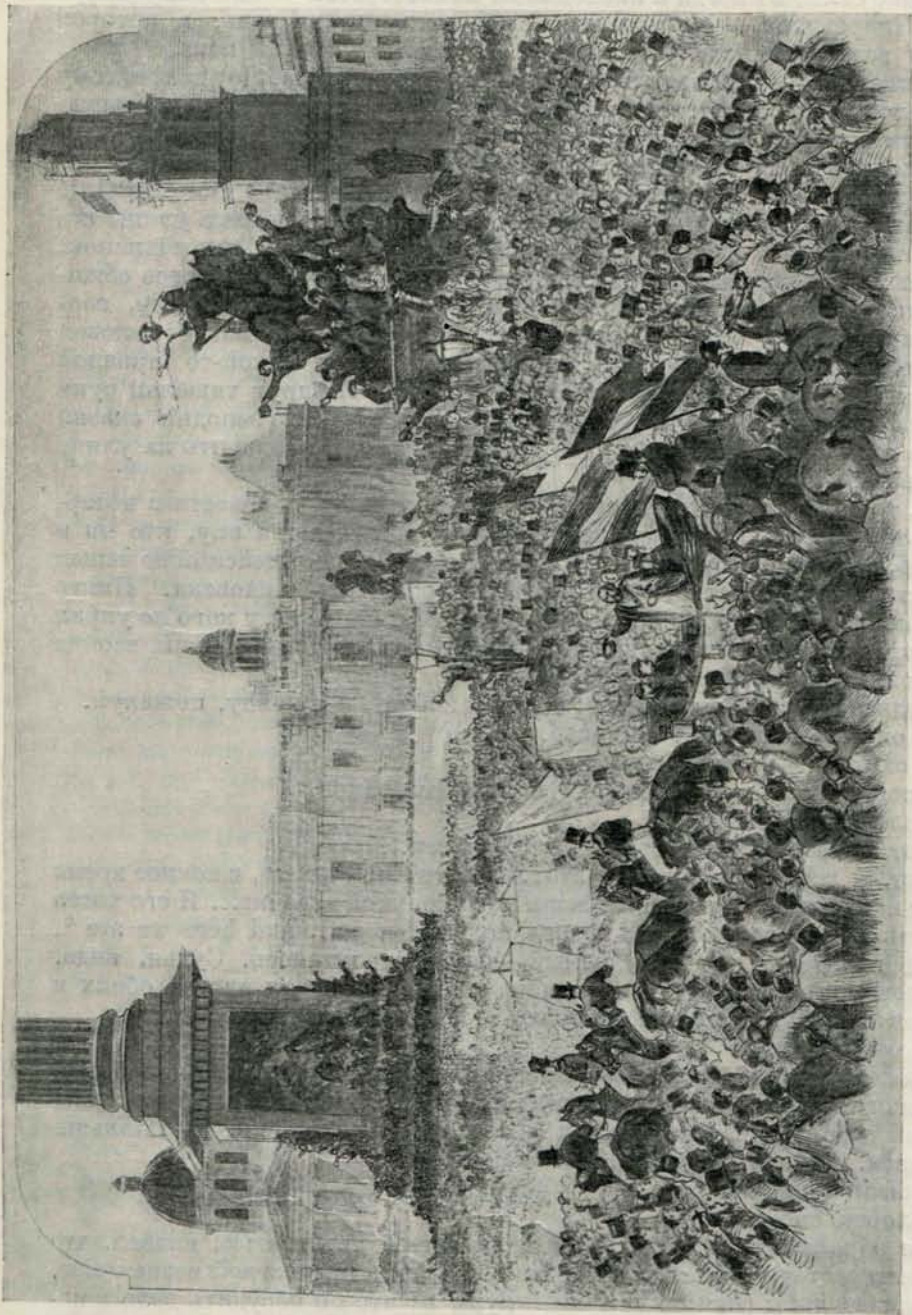
Гладстон сам пригласил депутацию от митинга, но в объяснении не был счастлив. Он действительно ездил к Гарибальди, но больше интересуюсь его болезнью, он уговаривал его, но как частное лицо и хороший знакомый. Он не скрыл от него, что его присутствие несколько мешает,

* Пропуск в рукописи. Вероятно, сюда должна быть отнесена запись Герцена на обороте л. 60:

Готовятся еще интерpellации — готовятся, вероятно, и ответы. Но все интерpellации будут бесполезны — пока [парламент не возьмется серьезно] десятифунтовикам не будет полезно вяться за дело митингов [или пока не выйдет судебного дела]. А до тех пор одно из величайших прав свободного английского народа убито палкой констебля, выкрадено полицейской уловкой.

** начальник похорон (англ.).

*** Далее зачеркнуто: ученой дружбой

ГАРИВАЛЬДИ В ЛОНДОНЕ

«The Illustrated London News» от 23 апреля 1864 г.

«В день приезда Гарибальди в Лондон я его не видел, а видел море народа, закуренные им улицы в несколько верст, наводненные площади; везде, где был карниз, балкон, окно, выгруппли люди... народ понял, что это «его цраэдини» («Самісіа госс»)»

но это было его мнение. Наконец, он очень жалел, что Гарибальди сам так же думал, как митинг, и уехал в таком глубоком заблуждении.

След за тем с необычайным *à propos*, которое всегда сопровождает восходящие силы, а иногда и нисходящие министерства — как напр<имер> поездка Кларендона, — он произнес свою знаменитую речь, в которой защищал всеобщую подачу голосов и нападал на всякий цenz.

Как ответчик — Гладстон несчастлив. Не тут его сила. Лет десять тому назад было в Лондоне происшествие, много смешившее меня. По окончании оперы в Ковен-Гардене один меломан отправился домой пешком. Конец оперы и театров, конец Аргайльрум и казино — блестящая мигнута лондонской уличной жизни. Работники спят, мещане спят, мирные люди спят, семейные люди бранятся перед сном, а освещенные улицы покрыты мотыльками и ночными бабочками всех сортов, волос, пен и шляпок. Они летают из стороны в сторону, никогда не обжигаются, а скорее обжигают других, заговаривают с прохожими, скромные просят хересу, гордые — ничего не просят и сами дают улыбку. Меломан — человек чувствительный, как мы увидим впоследствии — под какой-то аркадой наткнулся на мотылька и завел с ним разговор. И вдруг тяжелая рука командора опустилась на его плечо, и плохо одетый господин сказал ему: «Не годится... Нехорошо члену совета Королевы говорить на улице с мотыльками».

Видя, что он не может отделаться от этого угрызения совести в потертом пальто, Гладстон позвал полицейского и, сказавши ему, кто он и в чем дело, поручил свести моралиста в полицию. Но полицейский не нашел в рассказе министра достаточной причины арестовать человека. Никто никому не обломил ребр, не разбил челюсти и никто ни у кого не украл часов. Моралист не шел и продолжал читать морали. Полицейский, взойдя в положение министра, заметил ему:

— Ведите его сами в полицию; если он пойдет, и я пойду, пожалуй.

— С охотой, — говорит министр.

— С охотой, — говорит совесть.

Они пошли, а мотылек вспорхнул да и был таков.

Пришли в полицию.

— Вот, — говорит министр, — этот человек...

— Вот, — говорит человек, — этот министр так и так-то, в ночное время в уголку нашептывал нехорошие вещи хорошенькой девочке... Я его хотел усостыжить — он рассердился, позвал полицейского... and here we are *.

Кто обвинитель, кто обвиняемый — всё перепуталось. Судья, видя, что уголовщины никакой нет, а время позднее, записал адреса обоим и велел явиться завтра в 11 часов обоим в суд. А потом лег спать.

В 11 они явились.

...Представьте себе у нас — не настоящего министра или Адлерберга, а так, какого-нибудь Вронченку тогда или Буткова теперь, и его бы позвали в частный дом за какой-нибудь tête-à-tête на углу Невского и Итальянской улицы... Святых пришлось бы вон нести.

Рассказал Гладстон свое...

И человек свое...

Судья обратился к министру с величайшей учтивостью, сказал, что он не сомневается, что вещи, которые он говорил прелестной незнакомке, были назидательны (как он сам намекнул), но что он обсудить дело в порядке не может — по той простой причине, что единственная особа, которая может решить противуречья из показания, — это сама незнакомка. Что если министр может ее представить, то все пойдет как по маслу...

Автограф (черновой). ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 20, лл. 50—55, 57—60. Из зачеркнутых вариантов текста приведены лишь наиболее существенные.

* и вот что получилось (англ.).